

ОДИССЕЙ

человек в истории

Самозванчество как
социокультурный феномен

В этом номере:

Из истории
средневекового портрета

История эмоций

История образования

2024 №1-2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Fraudsters, Impostors and
Imposture as a Sociocultural
Phenomenon*

2024

Moscow
IWH RAS
2024

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Мошенники, самозванцы
и самозванчество как
социокультурный феномен*

2024

Москва
ИВИ РАН
2024

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

*Издание основано в 1989 году
А.Я. Гуревичем*

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
Н.А. БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. ред.; отв. секретарь),
О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.), О.В. ОКУНЕВА,
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Б.Н. МОРОЗОВ
кандидат исторических наук М.А. ВЕДЕШКИН

О-42 **Одиссей. Человек в истории** / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989–.

ISSN 1607-6184

2024. №№1-2 (32-33): Мошенники, самозванцы и самозванчество как социокультурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян; отв. ред. А.Б. Герштейн]. – М.: ИВИ РАН, 2024. №№1-2 (32-33). – 433 с.

В двудесяти втором номере за 2024 год представлены тексты о мошенниках и самозванцах, встречавшихся всюду, от России до Бразилии. Авторы уделяют пристальное внимание социокультурным аспектам этого феномена при реконструкции коммуникаций и актуализируемых повседневных практик в общении самозванцев с различными социальными группами.

Изучению визуальной культуры Средневековья посвящена статья Д. Олариу, в которой посмертные портреты рассматриваются в контексте коммеморативных практик. В номере также представлены статьи по истории Скандинавистики, истории образования, социальной истории и истории эмоций. Раздел рецензий знакомит читателя с сюжетом крестоносного цикла о Рыцаре Лебеда и с новым переводом на русский язык датских хроник.

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей.

© Коллектив авторов, 2024

© Герштейн А.Б., отв. ред. выпуска, 2024

© Институт всеобщей истории РАН, 2024

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Нэнси Бисаха

ПАПА ПИЙ II И КРЕСТОВЫЙ ПОХОД*

DOI: 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-11

Аннотация: в статье на широком историческом фоне рассматриваются необычные обстоятельства смерти папы Пия II (Эней Сильвио Пикколомини) в 1464 г. в порту Анконы. Понтифик прибыл туда пешком с целью отправиться в крестовый поход, который он собирался сам возглавить. Нэнси Бисаха пытается объяснить неординарный поступок понтифика, изучая, с одной стороны, личные мотивы папы, а с другой – религиозные и политические процессы, которые повлияли на его решение. Как показывает автор статьи, попытка Пия II организовать общеевропейский собор в Мантуе в 1459 г. и его дальнейшие усилия по организации нового крестового похода были реакцией на турецкую экспансию и захват турками Константинополя в 1453 г.

Ключевые слова: Пий II, крестовый поход, гуманизм, падение Константинополя в 1453 г., собор в Мантуе 1459 г.

13 августа 1464 г. папа Пий II (Эней Сильвио Пикколомини) принял причастие и в последний раз обратился к кардиналам, уещивая их продолжить начатое им дело: «Горе вам, горе вам, если вы оставляете дело Бога», – предупреждал он за несколько часов до того, как умер во сне¹. На первый взгляд смерть Пия II была похожа на смерть многих пап, которые были до и после него. Но обстоятельства его кончины не были ни мирными, ни обычными: он умер не в одной из папских резиденций, но вдали от дома в порту Анконы, откуда собирался отправиться в им же объявленный и подготовленный крестовый поход.

Казалось, это был странный, неожиданный конец для человека, который большую часть своей жизни был гуманистом, поэтом и бюрократом. Известный своим здравомыслием в политике и тонким юмором, Эней никогда не был воином, как и не был теологом или святым. Ему довелось насладиться всеми благами долгой ка-

---

¹ Перевод выполнен по оригиналу: *Bisaha N. Pope Pius II and the Crusade // Crusading in the Fifteenth Century: Message and Impact / Ed. N. Housley. L., 2004. P. 39–52.* Перевод публикуется с разрешения автора. *Schwoebel. 1969: 65.*

рьеры в качестве доверенного секретаря и дипломата, который путешествовал по Европе со своим начальством или по его поручению. Отказываясь на протяжении многих лет занять какие-либо церковные должности, он вступил в Церковь только по достижении среднего возраста, когда произвел на свет двух детей и написал дерзкие любовные стихи и прозу.

Вдобавок ко всему в момент своего финального путешествия он был стар и очень болен. Почему в то время, как многие папы довольствовались тем, чтобы призывать к крестовому походу, Пий почувствовал себя обязанным участвовать в одном из них? В этом очерке я попытаюсь объяснить, какие личные обстоятельства привели его в Анкону и какие религиозные и политические процессы способствовали тому, чтобы он выбрал этот путь. Смерть Пия в Анконе все еще может казаться эксцентричной, вызывающе необычной, а кому-то нехарактерно возвышенной для той эпохи, но она может рассказать нам многое о Европе XV в. и о жизни этого человека².

Вполне можно утверждать, что решение Пия самому отправиться в крестовый поход было наивысшим проявлением его естественной, хотя и доведённой до крайности, одержимости священной войной и ненавистью к османским туркам, которую он пронёс через всю жизнь³. Пий привлек внимание к турецкой угрозе уже в 1436 г. на Базельском соборе⁴.

Эней также неоднократно лоббировал крестовый поход в своих письмах, написанных до и после падения Константинополя 29 мая 1453 г. Он призывал понтификов Николая V и Каликста II и среди прочих императора Фридриха III организовать или взять на себя руководство крестоносной экспедицией на Восток. Одним из его первых официальных действий в качестве папы была организация общеевропейского собора в Мантуе с единственной целью подготовить широкомасштабный крестовый поход. Он полагал, что если бы ему удалось найти способ сплотить разьединенных евро-

---

² Для К.М. Сеттона Пий II, решившийся во что бы то ни стало отправиться в заморскую экспедицию, – один из самых величественных образов Кватроченто. См. кн.: *Setton*. 1978: 261.

³ См. обзор размышлений Пия и его сочинений на эту тему в кн.: *Helmrath*. 2000: 79–137. Я также обращаюсь к анализу взглядов Пия в кн.: *Bisaha*. 2004.

⁴ См.: *Setton K.M.* Op. cit. P. 201, примеч. 12.

пейцев и выставить на поле боя достаточно большую армию, то турок можно было бы разгромить или по крайней мере остановить их продвижение. Когда, несмотря на все его тяжкие труды, крестовый поход так и не стал реальностью, он попытался инициировать процесс, отправившись (или грозя отправиться) сам.

Но был ли то естественный ход вещей или взгляды Энея на турок и крестовый поход изменялись с течением времени, особенно после его избрания папой? Было бы уместно начать отвечать на эти вопросы с рассмотрения нескольких его трудов, написанных до того, как он стал папой. Его отклики на падение Константинополя представляют собой образцы самой страстной риторики. В тот момент Эней был епископом Триеста и Сиены, но все еще служил в качестве секретаря у Фридриха III. Глубоко встревоженный завоеванием византийской столицы, он написал письма Николаю V и Николаю Кузанскому, в которых выражал праведное негодование по поводу надругательств над братьями-христианами и их святынями и призывал действовать в защиту христианской Церкви и Европы. Такое же место было уделено в письмах и влиянию осады на ученость и культуру. Повторяя папе свои рассказы об уничтожении бесчисленных книг во время осады, Эней оплакивал это событие как «еще одну смерть Гомера и Платона»⁵.

Он подробно сообщает об этих утратах в своем письме Кузанцу. Что за люди, спрашивает он, стали бы нападать на ученость? Ксеркс и Дарий «воевали с людьми, а не с буквами», и древние римляне высоко ценили ученость греков, несмотря на то что завоевали их страну. Но при турках, утверждает он, греческая ученость непременно погибнет⁶. У Энея, как и многих других гуманистов, рассказы о жестоком разорении столь богатого города, особенно его библиотек, вызывали в воображении картины разграбления Рима в V в. н. э. и последующих «темных веках»⁷.

Интерес Энея к крестовому походу и его приверженность этой идее – как и у других гуманистов – значительно возросли после падения Константинополя⁸. Ему не пришлось долго ждать, что-

⁵ Der Briefwechsel. 1918: 200.

⁶ Ibid. 209.

⁷ О взглядах гуманистов на турок см.: *Bisaha N.* 1995: 111–207.

⁸ Или, как утверждает Джоакино Папарелли, «это добавило новых дрожжей в его церковную карьеру». См.: *Paparelli.* 1978: 114.

бы применить свое красноречие на деле. В течение следующих двух лет Фридрих III поручил ему выступать с речами от его имени на сеймах Регенсбурга (Ратисбонны), Франкфурта и Винер-Нойштадта, где обсуждались планы крестового похода. Его речи, произнесенные в Регенсбурге и Франкфурте, передавались из уст в уста, а позже были напечатаны⁹.

В ней Эней более конкретно говорит о недавних потерях и о территориях, которые находятся на грани завоевания турками, а также об отчаянной необходимости для христиан объединиться против неверных. И все же Эней обсуждает тот же круг тем, оплакивая как утраты христиан и христианской веры, так и утраты западной культуры. Константинополь был великим городом, столпом Римской империи и центром выдающейся учености. В то время как некоторые утверждали, что турки происходят от троянцев и поэтому имеют право на то, чтобы претендовать на древнее наследие, Эней лаконично отвергает эту идею:

«Турки на самом деле не происходят, как многие считают, от азиатов, которых они называют троянцами; римляне, происходящие от троянцев, не питали ненависть к литературе».

Истинными предками турок, по его мнению, являлись дикие скифы¹⁰.

Сознавая, что тирадой, направленной против уничтожения учености, он может оттолкнуть от себя слушателей и/ или читателей из числа воинов, Эней утверждает, что и солдат не должна оставлять безразличными угроза, которую турки представляют для литературы – ведь как иначе героям увековечить свои подвиги?¹¹ Таким образом, он манипулирует желанием собственной аудитории обрести как награды небесные, так и земную славу.

Эти работы показывают, что беспокойство Энея по поводу турецкого наступления было многогранным. Он беспокоился о по-

⁹ Ц. фон Мартелс и Р. Митчелл утверждают, что речь, произнесенная во Франкфурте, была напечатана. См.: *Von Martels Z.* 2003: 220; *Mitchell.* 1962: 396, примеч. 105. М. Мезерв и М. Симонетта также заявляют, что франкфуртская речь была напечатана. См.: *Pius II.* 2004: 396, примеч. 5.

¹⁰ *Aeneas Silvius Piccolomini.* 1967: 681. О турко-троянском вопросе и других идеях о происхождении турок см.: *Heath.* 1973: 453–471; *Meserve.* 2000: 409–426.

¹¹ *Aeneas Silvius Piccolomini.* 1967: 681; *Von Martels.* 2003: 220.

следствиях для своей веры, что видно из его пространного обращения к аудитории о том, насколько более существенным был их долг перед Христом, который страдал, умер за них и искупил их, чем перед князьями, родственниками и друзьями, за которых они охотно сражались. Он также говорит о безопасности христианского мира и Европы, особенно Венгрии и Далмации. Но самая оригинальная и страстная часть проповеди – та, где Эней выступает в качестве гуманиста и с большим чувством изображает турок как орудие разрушения культуры. Он, кажется, способен понять их противостояние Европе и даже христианской вере, но он чуть ли не озадачен тем, зачем они подвергают опасности литературу. Единственный возможный для него ответ таков: турки являются являются варварами и, следовательно, представляют невиданную со времен ужасных «темных веков» угрозу для Европы.

Красноречие и политический опыт Пия, не говоря о его страстной поддержке крестовых походов, обратили на себя внимание преемника Николая V, папы Каликста III (1455–1458)¹². В 1456 г. Эней стал кардиналом, а в 1458 г. был избран папой. То был стремительный и ошеломляющий взлет к вершине церковной иерархии – ведь священный сан он принял всего лишь 12-ю годами раньше. Отсутствие богатства и влиятельных родственников он компенсировал талантом и дипломатическим мастерством.

Кардиналы и правители, которых они представляли, считали его разумным и сговорчивым; его страстная и открытая поддержка крестовых походов также способствовала выдвижению его кандидатуры. Энергичная поддержка Каликстом III войны против турок помогла христианам достичь побед при Белграде, Метилене и Лемносе¹³.

Эней, обладавший исключительными познаниями в европейской политике и дипломатической ловкостью, казался подходящим человеком для того, чтобы сохранять и поддерживать импульс крестового похода. Но мог ли сан папы изменить личность Энея и его отношение к туркам? Имя, которое он выбрал при избрании, – неоднозначное послание. Папа Пий I (ок. 142 – ок. 155) яростно защищал правоверие от еретиков – таких, как Маркион и др. Возможно, Эней желал подражать ему в защите веры. Более вероятно, что на выбор его имени повлиял Вергилий, который часто называл

¹² Mitchell. 1962: 103–105.

¹³ Housley. 1992: 102–104.

главного героя своего эпического произведения «благочестивый (pius) Эней»¹⁴. Поскольку сделанный папой выбор имени не дает нам четких ответов, посмотрим на его действия в отношении крестового похода.

Первоначальные усилия Пия по организации крестового похода органично вписывались в русло его прежней жизни государственного деятеля и оратора. Вместо того, чтобы опубликовать буллу о крестовом походе и оставить своим легатам право ее распространять, Пий объявил вселенский собор, единственная цель которого заключалась всего лишь в подготовке крупномасштабного крестового похода – собор, на котором он собирался председательствовать¹⁵. Как он сказал своим кардиналам, в его намерение входило «попросить совета тех, чья помощь ему нужна»¹⁶. Изначально Пий был готов разделить свои усилия по подготовке и контролю крестового похода с другими; он смотрел на собор как на транснациональную задачу, требующую масштабного планирования, такта и терпения. В Мантуе требовалось очень много терпения.

Собор должен был открыться 1 июня 1459 г., но к этой дате собралось не так уж много делегатов. В своей вступительной речи Пий пожурил правителей за задержку отправки представителей или за отправку ничем не примечательных делегатов, которые не обладали полномочиями принимать решения или давать обещания:

«Христиане не так сильно озабочены религией, как мы думали. Мы весьма загодя определили дату собора. Никто не может сказать, что времени было слишком мало; никто не может сослаться на трудности путешествия. Мы, старые и больные, бросили вызов Апеннинам и зиме»¹⁷.

Папа начинал осознавать, насколько мало уважения вызывали его указания. Тем не менее, Пий решил подождать в Мантуе, уговаривая правителей немедленно отправить послов. Вопреки желанию

¹⁴ Об этом и об изменчивой природе идентичности и самовосприимчивости Энея см.: *Izbicki*. 2003: 187–203.

¹⁵ О соборе в Мантуе см.: *Setton*. 1978: P. 201–14; *Paparelli G.* Op. cit. P. 157–71; *Mitchell R.* Op. cit. P. 119–46.

¹⁶ См.: *The Commentaries of Pius II*. 1951: 117.

¹⁷ *Ibid.* P. 191.

своих кардиналов он почти четыре месяца ждал, пока придут делегаты¹⁸.

К осени наконец-то прибыло большинство представителей. Итальянцы показали себя лучше всех, не в последнюю очередь благодаря личному появлению и декларативным обязательствам герцога Франческо Сфорца из Милана¹⁹. Хотя по-прежнему недоставало поддержки не-итальянцев (за исключением заметной фигуры Филиппа Доброго), Пий был настолько доволен присутствием и отношением собравшихся делегатов, что продолжил подготовку своего крестового похода. Он начал эти приготовления с еще одной речи, которая получила широкое распространение и позднее была опубликована²⁰.

Хотя цели Пия в Мантуе во многом сходны с теми, которые он преследовал на имперских сеймах 1454–1455 гг., эта его речь отличается по ряду аспектов. В противоположность предыдущим, мантуанская почти не содержит упоминаний о турках, представляющих собой варварскую угрозу учености и западной культуре. Он также не углубляется в детали, рассказывая о древних скифах – предполагаемых предках турок. Когда он действительно рассуждает об античном прошлом, он обращается к героическим греко-римским образцам военной доблести и чести²¹. Похоже, Пий смещает акцент в сторону религиозных вопросов. Он описывает, как христианский мир все больше окружают силы ислама, которые завоевали Иерусалим и теперь угрожают Европе. Он перечисляет совершенные турками в Константинополе зверства, а также рассказывает о продолжающемся уничтожении церквей и творимых турками актах богохульства против Христа. Пий даже подробно обсуждает происхождение ислама, очерняя его как основанную шарлатаном секту,

¹⁸ *Ibid.*: 192–193. Об опасениях Флоренции на соборе в Мантуе и в дальнейшем см.: Black 1985: 249–259.

¹⁹ Позднее Франческо Сфорца вызвал горькое разочарование Пия, отказав ему в просьбе возглавить крестовый поход и помешав его попыткам проповедовать крестовый поход на подвластной герцогу территории. См.: *Simonetta*. 2003: 147–170.

²⁰ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 905–914.

²¹ Пий приводит примеры справедливой войны в Трое и Карфагене и помощи Рима союзникам. Он также обсуждает древние победы западных держав над ижеженным Востоком. Следует также отметить классическую структуру самой его речи. См.: *Heath*. 1986.

проповедующую наслаждения и насилие, что резко контрастирует с праведностью и чистотой христианства.

Еще одна религиозная тема – сила молитвы. Здесь Пий ссылается среди прочих на библейские примеры Моисея и Юдифи, а также на недавнюю чудесную победу христианских войск под Белградом. Армию, защищавшую балканский город, возглавляли яркие лидеры – проповедник Джованни да Капистрано и генерал Янош Хуньяди, но она сильно уступала по численности туркам и состояла в основном из крестьян. «Они все же победили турок, – заявляет Пий, – борясь с врагом не столько сталью, сколько верой»²².

Несмотря на многие различия между собором Пия и Клермонским собором, риторика крестового похода звучит на протяжении всей его речи как эхо проповеди Урбана II в Клермоне²³, породившей Первый крестовый поход. Подобно Урбану, Пий сетует на осквернение Святой земли и гибель христиан на Востоке, в то время как верующие сражаются друг с другом в Европе. В традиционной риторике крестового похода он призывает свою аудиторию «не брять оружие друг перед другом, а защищать Церковь, религию и христианскую веру от вторжений варваров и неверных»²⁴. Его описание зверств в Константинополе также напоминает мощный слог проповеди Урбана II: храмы оскверняют, мощи оскорбляют, священников убивают, а женщин насилуют. Еще более выразительные ассоциации с Первым крестовым походом просматриваются в его упоминаниях об участниках этой исторической кампании:

«О, если бы здесь были Готфрид, Балдуин, Евстахий, Гуго Великий, Боэмунд, Танкред и другие великие люди, которые когда-то вклинились в турецкие боевые порядки и силой вернули Иерусалим, они бы не позволили нам говорить так долго, но поднялись бы, как тогда, в присутствии нашего предшественника

²² *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 909. О сражении под Белградом см. *Setton*. 1978: 173–181; *Housley*. 1992: 103–104.

²³ Целью Клермонского собора была реформа, а не крестовый поход. В конце собора Урбан II созвал большое число мирян и клир и произнес свою знаменитую воодушевляющую речь. Таким образом, речь Урбана II стала для многих в толпе волнующим сюрпризом.

²⁴ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 905. В другом месте он использует термин «civilia bella»: *Ibid.*: 907.

Урбана II, и страстно закричали бы: “Этого хочет Бог! [Deus vult]!”»

Здесь Пий не первый раз обращается к Первому крестовому походу, но впервые эта тема занимает в его крестоносной проповеди столь важное место в ущерб излюбленному гуманистическому противопоставлению культуры варварству.

Почему произошел этот сдвиг? Очевидно, в 1454–1455 гг. Эней выступал как епископ и государственный секретарь, а в 1459 г. – как высший авторитет в Церкви и во всем христианском мире. В 1454–1455 гг. он призывал к крестовому походу под руководством императора, а в 1459 г. – к сплочению христиан под руководством папства. И тем не менее, несмотря на изменения в жизни Пия, аудитория, к которой он обращался, была очень похожа – это были делегаты, представляющие интересы правителей, которых он просил посвятить себя общему делу крестового похода. Возможно, он пытался убедить свою аудиторию в том, что он – нужный в этот переломный период христианскому миру папа-крестоносец и лидер, а не легкомысленный поэт, до сих пор вызывавший у многих подозрения и опасения.

Если так оно и было, то его речь в Мантуе была преднамеренной попыткой скрыть свою личность гуманиста и возвыситься до статуса поэта-крестоносца. Однако попытка вжиться в эту новую роль представляется несколько неловкой; он повторяет уже высказанные им самим и другими аргументы в ущерб более оригинальному материалу²⁵. Несмотря на его заявления о том, что его трехчасовая речь захватила аудиторию, это было, вероятно, не лучшее его выступление²⁶.

Как мы увидим, став папой, Пий не отказался от своих интересов в сфере классической и светской культуры, но в папских речах, буллах и письмах, посвященных туркам, он отдает предпочтение религиозной и традиционной риторике крестового похода. Страстные тирады о невосполнимом ущербе для учености, произнесенные во время проповеди защиты веры, были бы, вероятно, неверно истолкованы. К тому же за несколько лет до того он попытался вдох-

²⁵ *Von Martels*. 2003: 222.

²⁶ *The Commentaries of Pius II*. 1951: 251. Пий делал аналогичные заявления и о других своих речах и произведенном ими эффекте.

новить аудиторию своими соображениями о культуре, образовании и даже героической славе, но после того, как аплодисменты и комплименты стихли, никаких желаемых результатов не последовало. Его решение произнести речь в стиле Урбана кажется, было рассчитано на то, чтобы возродить дух 1095 г. Тем не менее, Пий, похоже, был не настолько наивен, чтобы думать, что он получит такой же сердечный отклик. Сразу после того, как он произнес фразу первых крестоносцев «*Deus vult!*», он отметил вопиющий контраст между Клермоном и Мантуей: «Вы спокойно ждете окончания нашей речи и, кажется, не тронуты нашими увещаниями»²⁷.

Собор в Мантуе закончился в январе 1460 г. Несмотря на то, что Пий получил многочисленные заверения в готовности прислать корабли, деньги, наемников и собранную десятину, стало ясно, что эти обещания были в лучшем случае ненадежными. Годы опыта научили Пия распознавать уклончивость и отсутствие доброй воли. Его решение опубликовать папскую буллу «*Ehexcabilis*» в том же месяце было отчаянной попыткой заставить правителей исполнять обещания, по крайней мере, касательно сбора десятин на своей территории²⁸. Этот и другие шаги Пия навлекли на него критику за то, что он отказался от прежней приверженности концилиаризму; его также обвиняли в том, что крестовый поход был для него плохо замаскированной попыткой захвата власти²⁹. Но это кажется маловероятным, если принять во внимание его более демократичный подход к власти в Мантуе. Сегодня большинство ученых согласны в том, что желание Пия достичь большего единства христиан, особенно в борьбе против турок, оставалось непоколебимым, несмотря на предпринимаемые им, казалось бы, противоположные усилия в этом направлении³⁰. Несмотря на все разочарования Пия, приве-

²⁷ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 914. Также, по утверждению Пия II, перед тем как произнести свою речь, он заявил посланникам Филиппа Бургундского, чтобы они не ожидали крестового похода на уровне Готфрида Бульонского или Конрада III. См.: *The Commentaries of Pius II*. 1951: 215.

²⁸ *Setton*. 1978: 214.

²⁹ См. дискуссию об искренности Пия в кн.: *Schwoebel*. 1971. О более критичных взглядах на Пия II см.: *Cardini*. 1979: 71–72; *Babinger*. 1978: 198–199.

³⁰ В то время как некоторые историки считают, что Пий использовал крестовые походы как средство достижения папской власти, М. Мезерв и М. Симонетта заявляют, что он мог также использовать доктрину папского превосходства для достижения европейского единства и организации

шие к изданию буллы, она отражает его веру в авторитет папского престола, способного заставить христиан участвовать в походе, даже если папе самому не удалось вдохновить их на это своей личной харизмой. После собора в Мантуе Пия был поглощен волнениями на Апеннингах, что не давало ему больших надежд на крестовый поход, пока эти проблемы не будут решены³¹. Тем не менее, он продолжал активно писать на все темы, что видно по его знаменитым «Запискам о достопамятных деяниях» (*Commentaria rerum memorabilium*). Будучи своеобразной смесью исторических записок, автобиографии, рассуждений об обществе, поэзии, и даже эпоса, они отражают творческий потенциал Пия, живость его ума и эклектизм³². Рассказывая от третьего лица о своей деятельности в качестве папы, он приводит пространные отступления по истории стран и городов, откровенные характеристики отдельных личностей, пышные описания итальянской сельской местности и даже замечания о любительских археологических исследованиях. Однако, несмотря на широту, откровенность и остроумие «Записок», большинство пассажей о наступлении турок отличаются заметной сдержанностью. Они встречаются реже и не так подробны, как можно было бы ожидать, учитывая заявление Пия о том, что «среди всех лелеемых им в сердце целей ни одна не была ему дороже, чем пробудить турок и объявить им войну»³³. Фактически в период между началом 1460 г. и 1463 г. он редко их упоминает. Его длительное молчание и бездействие можно рассматривать как нежелание брать на себя обязательства. Но скорее оно проистекает из его представления о том, что не стоит затевать небольшую крестовую экспедицию, а для крупной военно-религиозной экспедиции необходимы согласованные действия или по крайней мере мир между итальянцами. Никто не осознавал последствия такого без-

---

крестового похода против турок. Какими бы перспективными ни казались когда-то идеи концилиаризма и имперского лидерства, они давно провалились, тогда как масштаб поставленной им цели крестового похода никогда не уменьшался. См.: *Pius II*. 2004: XIV.

³¹ Описание Пием II его недавних забот и его веры в то, что путь для крестового похода отныне расчищен, см. в кн. 12. его «Записок о достопамятных деяниях».

³² Подробнее о «Записках о достопамятных деяниях» см.: *Pozzi*. 1991: 151–162; *Lacroix*. 1991: 133–149.

³³ *The Commentaries of Pius II*. 1951: 115.

действия лучше, чем сам Пий II, о чем он откровенно говорил своим кардиналам, признаваясь, что подобный застой приводил его в отчаяние³⁴.

Когда Пий II в своих «Записках» сосредотачивается на турецкой тематике, его язык заметно более сдержан, чем в ораторских выступлениях. Он обычно называет их просто «турками», «турецкой расой» или иногда «врагами креста». Мало что говорится о турках как о варварах, готовых разрушить западную цивилизацию. Если принять эти отрывки на веру как простое свидетельство настроений и действий Пия II, то мы увидим, что его подход к туркам был поразительно трезвым; папа демонстрирует спокойное, сдержанное и продиктованное тактическим и даже политическим расчетом отношение к взрывоопасной проблеме. Более вероятно, что в данном случае Пий II намеренно избегал рассуждать о турках как о варварской угрозе культуре, и это было частью его плана представить себя достойным религиозным лидером крестового похода. Хотя «Записки» выстроены в хронологическом порядке, и их структура местами не отшлифована, это сочинение не является простым дневником; его композиция хорошо продумана, и оно призвано прославлять и защищать понтификат Пия. Как папа он обычно изображается в благоприятном, если не идеальном, свете³⁵. Полеты риторической фантазии могли только отвлекать читателя своим неистовством и создавать ощущение хаоса вместо порядка, к которому он стремился.

Поскольку папские речи, письма и его «Записки» не давали Пию возможности высказаться о турецком наступлении с точки зрения гуманиста, он нашел подходящий выход для таких размышлений в своих исторических трудах, в частности, в «Азии», которая была частью намного ранее запланированной и частично завершенной работы «Космография»³⁶. В «Азии» он обсуждает угрозы для христианской веры и ущерб христианской вере, но также уделяет много времени изучению турок со светской и культурной точки зрения. Как ни странно, эта работа была позитивно воспринята как «новая», в отличие от современных хроник, авторы которых про-

³⁴ Ibid.: 822.

³⁵ См.: Pius II. 2004: XVII; См. также: *Lacroix*. 1991.

³⁶ *Vollmann*. 2003: 42–43.

должали ссылаться на апокалиптическую мысль и миф³⁷. История турок была темой, которая интересовала Пия многие годы; он часто ссылался на их предполагаемые древние скифские корни, дабы добавить полемического накала своим письмам и речам.

В «Азии» он развивает эти положения. Ссылаясь на таких авторов, как Иордан и некий «Aethicus», он описывает скифов как «жестокый и бесчестный народ, предающийся любым видам сексуальных извращений, завсегдагай борделей, пожиратель отвратительных вещей: мяса кобыл, волков, стервятников и, что еще ужасней, исторгнутых из чрева человеческие зародыши»³⁸. Стоит отметить акцент Пия на варварстве скифов – он считал, что их турецкие потомки мало изменились за прошедшие столетия и фактически были обречены на то, чтобы вновь и вновь повторять все эти дикости³⁹.

Продолжая тему происхождения турок, Пий, дойдя до истории Османской династии, подчеркивает темное происхождение Османа I. Ислам ожидаемо изображается в мрачных и враждебных красках как фальшивая религия, которая поощряет плотские удовольствия, но противится учености⁴⁰. Цель Пия заключается в том, чтобы представить турок-османов преступными и низкими во всех отношениях – от их происхождения до религии, которую они исповедуют. Они разрушили некогда процветавшую христианскую территорию Малой Азии, ввергнув ее в варварство.

Тем не менее, стоит отметить, что взгляд Пия на современную ему Азию не вполне отрицательный; за турками и мусульманами Западной Азии обитают народы, наделенные более многообещающими качествами. Если турки как помеха будут устранены, эти народы могут быть приведены к Христу⁴¹. Короче говоря, «Азию» можно рассматривать как продолжение гуманистической мысли Пия о турках и исламе. Подобные заявления отражают более светскую оценку, хотя и несут на себе отпечаток культурного шовинизма.

---

³⁷ Ibid.: 54.

³⁸ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 307. Пий II считал, что Aethicus был античным автором, но на самом деле он был писателем VII в. См. об этом: Heath. 1973: 456–457.

³⁹ *Meserve*. 2003: 24.

⁴⁰ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 385.

⁴¹ *Vollmann*. 2003: 53.

Пий вновь обращается к религиозной тематике в своем неоднозначно оцениваемом письме к Мехмеду II, где он предлагает султану обратиться в христианство в обмен на его официальное признание и папскую поддержку. Многие восприняли письмо буквально и рассматривают его как краткое, но яркое свидетельство смягчения отношения Пия к туркам и крестовому походу. В другом своем исследовании я подробно доказывала, что данное письмо не следует считать искренней попыткой обратить Мехмеда II в христианство⁴². На самом деле, оно было предназначено для христианской аудитории и написано, скорее всего, в пропагандистских целях. Большая часть письма посвящена полемическому изложению учения ислама и защите христианских догматов. Как и в папских проповедях о крестовых походах, богословское содержание письма весьма условно. Вера Пия была крепкой, но он избегал участия в дебатах и придерживался буквы христианского вероучения в трактовке отцов Церкви⁴³.

Повторяя религиозные темы, к которым он обращался в других своих работах, Пий пытался напомнить христианам о богатых традициях, которые они должны были утратить, а также о зле, которое будет навязано им религией турок. В письме есть несколько сильных моментов – как то, гуманистическая похвала Европе за ее превосходство в военном деле и образовании, – но главным содержанием, похоже, является попытка Пия позиционировать себя в качестве религиозного авторитета. В этом отношении письмо Мехмеду II вписывается в контекст большинства работ Пия, которые он как папа писал о крестовых походах.

На данный момент представляется, что как только Пий II стал папой, он с маниакальной одержимостью принялся разделять, с одной стороны, свою риторику и, с другой стороны – свои интересы в отношении турок. Он очень серьезно воспринимал те моменты, когда ему приходилось говорить *ex cathedra* о крестовых походах, и пытался придать своим словам серьезный и авторитетный тон, видимо, не полагаясь на то, что гуманистическая риторика в сфере культуры и истории сама сделает это за него. Потому Пий может показаться очень расчетливым в своем подходе к крестовому походу.

⁴² См. мою статью: *Bisaha*. 2002: 183–200. Недавнее издание письма и его перевод см. в кн.: *Pius II*. 1990.

⁴³ *Von Martels M*. 2003: 205–17; *The Commentaries of Pius II*. 1951: XXVIII.

ду: он рядился в одежды набожного папы-крестоносца, когда это было удобно, но порой находил более подходящий антураж, дабы излить свой гуманистический гнев против турок. Может ли это означать, что должность папы изменила не столько личность Пия, сколько его тщательно сконструированный общественный имидж?

Была ли планируемая им крестоносная экспедиция пиар-ходом, направленным на укрепление его авторитета в качестве духовного лидера войны? Менее циничное объяснение противоречивой природы его письма заключается в том, что, по крайней мере, в том, что касается крестового похода, его новая церковная должность уже не сочеталась с прежними светскими увлечениями. Восхождение Пия на папский престол, вероятно, заставило его поразмышлять, почему победа над турками была так важна; как папа он вряд ли мог назвать в качестве причины защиту культуры или стремление к славе. Было ли его решение отправиться в крестовый поход признаком того, что духовная сторона победила и что он искал поддержки Бога для своего крестового похода?

Как свидетельствуют «Записки» Пия и даже его булла о крестовом походе, он – по крайней мере, изначально – не представлял себе крестовый поход как некое индивидуальное донкихотское путешествие. Не был он безнадежно наивен и относительно реакции, которую надеялся вызвать. Причины, по которым Пий собирался отправиться в крестовый поход, были при всем их драматизме более осознанными и рациональными. Он говорил об этой идее еще в 1461 г. в тайном письме дожу Венеции, но только в марте 1462 г. начал предпринимать шаги в этом направлении⁴⁴. Он объяснил ход своей мысли шести доверенным кардиналам: отправившись в крестовый поход, он бы заставил герцога Бургундского Филиппа Доброго выполнить данное им в 1453 г. обещание – сразаться с турками при условии, что его будет сопровождать еще один заметный христианский государь.

После многих неудачных попыток найти такого князя Пий II решил, что сыграет эту роль сам: «Мы призовем Бургундию следовать за нами, государем и понтификом, и мы потребуем выполнения его обета и клятвы. Никакого оправдания ему не будет. Более великий, чем король или император, наместник Христа объявит

⁴⁴ *Setton*. 1978: 235.

войну»⁴⁵. Если бы он только смог убедить Филиппа Доброго выйти на поле боя, другие бы вскоре последовали за ним. Король Франции отправит по крайней мере 10 000 человек; венгры и венецианцы также внесут свой вклад, учитывая их интересы в регионе. Наконец, к армии крестоносцев присоединятся воины со всей Европы⁴⁶.

Там, где давление не дало результатов, сочетание доброй воли и чувства стыда, как он надеялся, могло помочь ему добиться успеха. Когда в сентябре 1463 г. он объявил свой план всем своим кардиналам, то заявил следующее:

«Мы полны решимости немедленно начать войну против турок и делом и словом призвать христианских князей следовать за нами. Может быть, когда они увидят, как их господин и отец, Папа Римский, викарий Иисуса Христа, старый и больной, отправляется на войну, им будет стыдно оставаться дома»⁴⁷.

Он повторил эту идею, хотя в гораздо более мягкой форме, в своей булле «Езекииль пророк», где он спрашивал, какое оправдание будет достаточным, когда он — «старый, слабый и больной» отправится в этот поход, а вы, которые молоды, здоровы и крепки, будете прятаться дома»⁴⁸. Исходя из этих слов, можно утверждать, что Пий был мастером убеждения, замышлявшим побудить или заставить людей участвовать в крестовом походе. Он начинает меньше походить на мечтателя и больше на умного тактика, делающего ставку на то, что честь и рыцарство не умерли.

Пий также реалистично оценивал возможные достижения крестового похода. Он не надеялся на огромную волну новобранцев, которые по его приказу отправятся громить турок; он был бы доволен спасением Венгрии, оплота христианства, от дальнейших потерь⁴⁹. Кроме того, Пий не ожидал полного единства во время экспедиции. Другие государства начали жаловаться на лидерство Ве-

⁴⁵ The Commentaries of Pius II. 1951: P. 517.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 918.

⁴⁹ *Schwoebel*. 1971: 60–61; The Commentaries of Pius II. 1951: 214.

неции в предполагаемом крестовом походе, опасаясь, что она завоеует всю Грецию и нацелится на Италию.

Но Пий верил, что если в крестовом походе удастся отвоевать Грецию у турок, то бесправные балканские христиане вскоре поднимутся, чтобы вернуть свои земли, тем самым не давая Венеции сосредоточить в своих руках слишком много власти⁵⁰. Несомненно, Пий был замечательным оратором; его смелый план начал приносить плоды. Венецианцы, хотя и с опозданием, но прибыли в Анкону. Многие отдельные крестоносцы из северной Европы также ждали в Анконе, пока чума не заставила их покинуть город. Французский король Людовик XI отговорил от участия в крестовом походе Филиппа Бургундского, но тот послал отряд из 3 000 человек. Даже Франческо Сфорца послал небольшой отряд⁵¹. Тем не менее в решении Пия самому отправиться в крестовый поход есть нечто выходящее за пределы простой стратегаемы. Как бы проникательно и бесстрастно он ни оценивал пользу от такого поступка для его заветной экспедиции, он казался глубоко озабоченным тем, насколько далеко ему пришлось зайти, чтобы вызвать реакцию своей христианской паствы. Он не всегда так поддавался унынию. Во время конклава, на котором он был избран папой в 1458 г., он дал понять, что знает о фактах взяточничества в высших кругах Церкви и что в случае своего избрания он будет этому противостоять.

Другой наиболее вероятный претендент на папский престол, кардинал Руана, был сказочно богат и обладал хорошими связями, но не был известен честной жизнью. В отличие от него, Эней был беден и искренен. Он, казалось, был оптимистом в отношении возможности реформирования Церкви изнутри, хотя больше с помощью увещаний, чем жестких мер⁵². Его речь во время конклава, а также его разочарование в Николае V, который не смог в 1453 г. спасти Константинополь, свидетельствуют о вере Энея в то, что волевой и честный папа мог бы обратить вспять неудачи в Церкви и в крестовых походах.

⁵⁰ The Commentaries of Pius II. 1951: 816.

⁵¹ См.: Housley. 1992: 108-9; Mitchell. 1962: 233.

⁵² Живой рассказ Пия о его возражениях кардиналам по поводу избрания подходящего с точки зрения морали кандидата см. в кн. 1. «Записок о достопамятных деяниях». О неудавшихся попытках Пия II реформировать Церковь см.: Pastor. 1898: 269–278.

После нескольких лет пребывания на апостольском престоле его бравады заметно поубавилось; Пий не мог не осознавать, насколько запятнанным стал имидж папства и духовенства. Он объяснял это шестерым доверенным кардиналам в марте 1462 г. Его полсы были осмеяны князьями; новость о введении десятин встретили угрозами созвать новый собор; продажа индульгенций была признана проявлением жадности.

«Люди думают, что наша единственная цель – нажить золото. Никто не верит в то, что мы говорим. Подобно неплатежеспособным торговцам мы остались без кредита. Все, что мы делаем, выставляют в худшем свете»⁵³.

Тем не менее, он не был готов отказаться от поиска «определенного плана общего спасения». Эти обстоятельства не побудили Пия отказаться от крестового похода, но заставили считать его еще более важным делом, чем ранее. Оставаясь способом защитить христианский мир от внешних врагов и одновременно объединить его, крестовый поход давал теперь возможность одним махом очистить или реформировать христианство. Пий надеялся, что его личное участие в крестовом походе восстановит веру христиан в своих священнослужителей и вдохновит их на убедительный военный ответ на турецкое наступление.

Каково было эмоциональное состояние Пия посреди всего этого? Его разочарование в нравах духовенства было глубоким и затронуло его лично; он остро чувствовал, что обязан помочь исцелить Церковь своим примером. Выполняя эту задачу, он большей частью казался спокойным и решительным (хотя и утомленным постоянным сопротивлением, с которым ему приходилось сталкиваться), но при этом не скрывал уязвимость и неуверенность в собственных силах. Как он говорил своим кардиналам в 1462 г.,

«мы провели многие бессонные ночи в размышлениях, ворочаясь с боку на бок и оплакивая несчастья и бедствия нашего времени ... в тиши дней и ночей мы все больше и больше склоняемся к этому решению»⁵⁴.

⁵³ The Commentaries of Pius II. 1951: 516.

⁵⁴ The Commentaries of Pius II. 1951: 516.

Он не утверждал, что был напрямую вдохновлен Богом в своем решении, но его поиск предполагал молитву и страдание, а также выработку стратегии. В его булле о крестовом походе от октября 1463 г. присутствует трогательная атмосфера смирения и человечности, которой не было в ораторской речи в Мантуе. Он признавал, что власть турок возросла и борьба не будет легкой, но все же призывает верующих последовать за ним⁵⁵.

Тон Пия в отношении крестового похода был еще более смиренным в частной речи, обращенной к кардиналам (сентябрь 1463 г.). В упомянутом выше отрывке, где понтифик говорит о том, как стыдит братьев по вере, оказывая на них давление в целях привлечения на свою сторону, он проявляет себя очень человечным и несколько неуверенным: «Нехорошо говорить: “Идите”; возможно, они будут лучше слушать, если им сказать: “Придите”. Мы решили попытаться»⁵⁶. Произнося эти слова, Пий как бы сбрасывает с себя мантию облеченного властью иерарха и примеряет одеяние обычного священника. Слова папы также свидетельствуют о его неуверенности в результате, но вместе с тем решимости продолжать попытки и довериться Богу. Он уже не так твердо верит в то, что может достичь успеха там, где Николай и другие потерпели неудачу, но в этой попытке готов пожертвовать всем, даже своей жизнью. Хотя Пий и собирался вступать в сражение, он хорошо знал, что само путешествие было слишком большим испытанием для его хрупкого здоровья.

Он продолжает:

«Если таким методом не побудить христиан к войне, мы не знаем другого. Мы полны решимости следовать по этому пути. Мы знаем, что это будет тяжким бременем для нашей старости и что в каком-то смысле мы идем на верную смерть. Но мы не отказываемся. Мы полагаемся на Бога»⁵⁷.

Его слова о том, что он полагается на Бога, кажутся и молитвой о сохранении его жизни в течение утомительного путешествия, и молитвой об успехе крестового похода. Таким образом, ближе к

⁵⁵ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 915, 917.

⁵⁶ *The Commentaries of Pius II*. 1951: 824.

⁵⁷ *The Commentaries of Pius II*. 1951: 824.

концу понтификата крестовый поход Пия стал глубоко личным актом, а также тщательно продуманной демонстрацией веры перед паствой, которую он решил направлять своим примером.

В решении Пия отправиться в крестовый поход есть также что-то от классической эпической модели – эта идея наиболее ярко отражена в его «Записках». Пий стал считать себя героем-одиночкой или воссоздателем христианского и светского Рима, возвращающим ему его прежнюю славу⁵⁸. Как он говорит в «Записках»:

«Когда-нибудь мы должны умереть, и неважно, где, лишь бы умереть достойно». Эти слова свидетельствуют о том, что он стремится к героической смерти, облагороженной бесстрашием и самопожертвованием. Но это еще не все, чего он желает; он тут же добавляет: «Блаженны те, кто умирают в послушании Господу. Благородная смерть искупает дурную жизнь»⁵⁹.

Здесь он представляет себя одиноким кающимся христианином, жаждущим спасения и искупления всех своих грехов у Бога. Независимо от того, привел ли его крестовый поход к более масштабному наступлению турок или к спасению Церкви, Пий, похоже, искал мученичества как средства примириться с Господом — по мере того, как истекал срок его понтификата, он все более отчаянно пытался угодить Богу⁶⁰.

Сомнения Пия в собственной способности организовать достаточно большой крестовый поход можно заметить и по другим признакам, указывающим на его стремление застраховать свои ставки. Один из таких примеров – церемония встречи мощей (главы) святого Андрея в Риме. Впечатляющее прибытие этой важной греческой реликвии, привезенной бежавшим из Мореи византийским деспотом Фомой Палеологом, стало драматической демонстрацией той угрозы, которую для христианской веры представляло турецкое наступление. Даже мертвые не были в безопасности перед лицом неверных. Важно отметить, что Фома прибыл с

⁵⁸ См. интригующую и убедительную интерпретацию «Записок» в статье М. Поцци: *Pozzi*. 1991:151–162.

⁵⁹ *The Commentaries of Pius II*. 1951: 824.

⁶⁰ См. вступительную статью в кн.: *The Commentaries of Pius II*. 1951: XXXI.

реликвией за несколько месяцев до того, как Пий послал за ней, и процессия прошла до того, как был готов реликварий для ее размещения. Единственное, что совпало с процессией во времени, было решение Пия отправиться на крестовый поход – оба события произошли весной 1462 г.⁶¹

Кажется, Пий надеялся, что св. Андрей придаст новый импульс его ослабевшей крестоносной экспедиции и положит начало ее новому этапу. Возможно, итальянцев могла бы мотивировать их преданность культуре святых; участвуя в крестовом походе, они могли бы дать обет могущественному апостолу и обрести его заступничество. Еще одним способом, которым Пий страховал свои ставки, была постоянная угроза анафемы. Булла «*Ehercabilis*» была одной из форм такого принуждения; в булле 1463 г. говорится о других таких средствах. В ней Пий произносит мощные проклятия в адрес тех, кто мешает его крестовому походу⁶². Эти действия резко контрастируют с его мягкими призывами потенциальным крестоносцам присоединиться к нему. Они также свидетельствуют о его твердой вере в силу папских угроз, даже если они выявляют сопротивление, с которым он ожидал столкнуться.

Решение Пия сопровождать свой крестовый поход, кажется, было обусловлено многими желаниями, которые все играли более или менее равную роль в его мыслях и сердце. Он рассматривал этот шаг с политической точки зрения, как средство, чтобы вдохнуть новую жизнь в свою заглухнувшую крестоносную экспедицию. Это было также средство реформ для измученного злоупотреблениями общества христиан. Наконец, это была глубоко личная и рискованная миссия. Он надеялся, что этим поступком сможет искупить свою вину и угодить Богу. Трудно ответить на вопрос, намеревался ли Пий довести свой крестовый поход до конца. По крайней мере один из его современников полагал, что понтифик собирался найти предлог для того, чтобы остановиться в южной Италии, где бы он задержался на неопределенный срок, пока крестовый поход продолжится без него⁶³. Однако решение Пия идти

⁶¹ Ibid.: 525. 540. Г. Габель считает эти события «слишком просчитанными заранее». Ibid.: XXIX.

⁶² *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 922. См. также: *The Commentaries of Pius II*. 1951: 517–518.

⁶³ *Von Martels*. 2003: 226–227; *Simonetta*. 2003: 169–70.

почти до Анконы без Филиппа Доброго говорит о многом. Если в 1463 г он знал, что путешествие опасно для его здоровья, то к 1464 г. у него было мало надежды, что он переживет его.

Рассматривая эволюцию отношение Пия к крестовому походу на протяжении многих лет, можно заметить определенную закономерность. Вначале у него были ярко выраженные мирские заботы по поводу защиты западной культуры и цивилизации. После его избрания на папскую должность эти конкретные опасения, казалось, отступили на задний план, тогда как его приверженность к крестовому походу как религиозному мероприятию усилилась. Отвечая на поставленный выше вопрос о том, было ли возобладание религиозного начала личным мотивом или простой уловкой, можно сказать, что, как представляется, в этом было немного и того, и другого. Неуклюжий пируэт Пия, совершенный им в начале понтификата, вероятно, был в большей степени с риторическими приемами и пропагандистскими задачами, но его убеждение в божественной праведности крестового похода и приверженность традиционному благочестию, кажется, возростали по мере пребывания на папском престоле⁶⁴. Он, возможно, действительно надеялся на чудо, несмотря на то, что считал себя недостойным его.

Возможно, самое ясное послание, которое можно вынести из маневров Пия в его подходе к крестовым походам – это его отчаянный поиск способа тронуть сердца христиан и вызвать их уважение. С этой целью он пытался использовать дипломатию, красноречие, принуждение, собственный пример, даже идею мученичества. Тем не менее, несмотря на свое разочарование, он никогда полностью не терял надежды; его смерть можно рассматривать как последний сильный жест с целью доказать верующим, что духовенство (и его призывы) заслуживают уважения.

Пий не питал иллюзий относительно обращения Мехмеда II и турок, и тем более не пробовать обратить их в свою веру, но искренне верил в силу христианства. Его усилия по организации крестовых походов можно трактовать как попытки передать эту веру пресытившимся верующим. Мы никогда не узнаем, оправдалась ли бы авантюра Пия, посрамив или вдохновив соответствующее число

---

⁶⁴ К.М. Сеттон полагал, что крестовый поход Пия II был мотивирован в большей степени религией, чем политикой или гуманизмом. См.: *Setton*. 1 978: 270.

новобранцев, но, если бы это было ему под силу, он вполне мог бы их дожидаться.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Aeneas Silvius Piccolomini Opera quae extant omnia.* 1967.
Der Briefwechsel des Eneas Silvius Piccolomini // Fontes rerum austriacarum / Hrsg. R. Wolkan. Vienna, 1918. Bd. 68.
Pius II. Epistola ad Mahomatem II (Epistle to Mehmed II) / Ed. and trans. A.R. Vaca. NY, 1990. P. 13–39.
Pius II. Commentaries / Ed. M. Meserve and M. Simonetta. Cambridge; Mass., 2004. Vol. I.
The Commentaries of Pius II / Ed. F. A. Gragg, L. C. Gabel. Northampton; Mass., 1951. Vol. 2.

ЛИТЕРАТУРА

- Babinger F.* Mehmed the Conqueror and his Time. / Transl. R. Manheim. Princeton, 1978 (1-е изд. 1953). P. 198–199.
Bisaha N. Pope Pius II's Letter to Sultan Mehmed II: a Reexamination // *Crusades.* 2002. № 1. P. 183–200.
Bisaha N. Pius's views of the Turks in Creating East and West: Renaissance Humanists and the Ottoman Turks. Philadelphia, 2004.
Black R. Benedetto Accolti and the Florentine Renaissance. Cambridge, 1985. ъ
Cardini F. La repubblica di Firenze e la crociata di Pio II // *Rivista storica della chiesa in Italia.* 1979. Vol. 33. № 4.
Haskins J. Renaissance Crusaders: Humanist Crusade Literature in the Age of Mehmed II // *Dumbarton Oaks Papers.* 1995. Vol. 49. P. 111–207.
Heath M. J. Renaissance Scholars and the Origins of the Turks // *Bibliothèque d'humanisme et renaissance.* 1973. Vol. 41. P. 453–471.
Heath M. J. Crusading Commonplaces: La Noue, Lucinge and Rhetoric against the Turks. Geneva, 1986.
Helmrath J. Pius II. und die Türken // *Europa und die Türken in der Renaissance* / Hrsg. B. Guthmiiller and W. Kuhlmann. Tübingen, 2000. S. 79–138.
Housley N. The Later Crusades, 1274–1580: from Lyons to Alcazar. Oxford, 1992.
Izbicki T. M. «Reject Aeneas!» Pius II on the Errors of his Youth // *Pius II – 'El piu expeditivo pontifice': Selected Studies on Aeneas Silvius Piccolomini (1405–1464)* / Ed. Z. Von Martels and A. Vanderjagt. Leiden; Boston, 2003. P. 187–204.
Lacroix J. I Commentarii di Pio II fra storia e diaristica // *Pio II e la cultura del suo tempo* / Ed. L. R. Secchi Tarugi. Milan, 1991. P. 133–149.

- Meserve M.* From Samarkand to Scythia: Reinventions of Asia in Renaissance Geography and Political Thought // Pius II – 'El piu expeditivo pontifice': Selected Studies on Aeneas Silvius Piccolomini (1405–1464) / Ed. Z. Von Martels and A. Vanderjagt. Leiden; Boston, 2003. P. 187–204.
- Meserve M.* Medieval Sources for Renaissance Theories on the Origins of the Ottoman Turks' // Europa und die Türken in der Renaissance / Hrsg. B. Guthmiiller and W. Kuhlmann. Tübingen, 2000. P. 409–436.
- Mitchell R.* The Laurels and the Tiara: Pope Pius II 1458–1464. L., 1962. Vol. 1.
- Paparelli G.* Enea Silvio Piccolomini: l'umanesimo sui soglio di Pietro. Ravenna, 1978.
- Pastor L.* The History of the Popes from the Close of the Middle Ages. L, 1898 (2d ed. 1900). Vol. 3.
- Pozzi M.* Struttura epica dei Commentarii // Pio II e la cultura del suo tempo / Ed. L.R. Secchi Tarugi. Milan, 1991. P. 151–162.
- Schwoebel R.* The Shadow of the Crescent: The Renaissance Image of the Turk (1453–1517). NY, 1969.
- Schwoebel R.* Pius II and the Renaissance Papacy // Renaissance Men and Ideas / Ed. R. Schwobel. NY, 1971.
- Setton K. M.* Papacy and the Levant (1205–1571). Philadelphia, 1978. Vol II: The Fifteenth Century.
- Simonetta M.* Pius II and Francesco Sforza. The History of Two Allies // Pius II – 'El piu expeditivo pontifice': Selected Studies on Aeneas Silvius Piccolomini (1405–1464) / Ed. Z. Von Martels and A. Vanderjagt. Leiden; Boston, 2003. P. 147–170.
- Vollmann B.K.* Aeneas Silvius Piccolomini as a Historiographer: Asia // Ibid. P. 41–54.
- Von Martels Z.* More Matter and Less Art. Aeneas Silvius Piccolomini and the Delicate Balance between Eloquent Words and Deed // Ibid. P. 205–228.

Пер. с англ. С.И. Лучицкой.

ABSTRACTS

FRAUDSTERS, IMPOSTORS AND IMPOSTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

A.B. Gerstein

IMPOSTURE AS A MARKER OF THE SOCIETY'S CONDITION

Keywords: impostors, false-rulers, deceivers, society, spiritual culture, everyday practices.

The phenomenon of imposture is considered in the article in the context of the specific state of societies where it appeared. The author pays close attention to the specifics of the perception of medieval impostors by different social groups, the ways of establishing and functioning of everyday and symbolic communication between the deceiver and his sympathisers, collective representations of justice, social order and its violations in different strata of society. The author identifies various forms of imposture — claiming belonging to another ethnicity, profession, or social class, creating fake genealogies, and using the label of impostor as a tool for defaming an opponent in polemical treatises. The goals of such deception could range from delegitimising the opponent to trying to increase one's social status or save one's own life. The author concludes that imposture is a peculiar reaction to a social crisis and simultaneously a way to bring society into balance and restore the 'proper' order of things.

I.A. Mirolyubov

GENEALOGICAL CONSTRUCTIONS OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT AND THEIR PERCEPTION WITHIN HIS FAMILY

Keywords. Constantine the Great, Claudius Gothicus, Julian Apostate, Roman Emperors, Later Roman Empire, Prosopography of the Later Roman Empire, Roman aristocracy.

The House of Constantine the Great is one of the most significant imperial dynasties in the history of the Roman Empire. The history of this dynasty begins with the reign of Emperor Constantius Chlorus (reigned 293–305 AD), but his son Constantine in 310 AD announced that the ancestor of the family was Emperor Claudius Gothicus (reigned 268–270). Most modern researchers consider this genealogical construction a fiction. The study of the reasons that prompted Constantine to choose this "ancestor", as well as the means by which the emperor reinforced this genealogical scheme, comes to the fore.

The article deals with the reports of official sources (panegyrics, inscriptions and coins) about the relationship of the house of Constantine with Claudius Gothicus, as well as variants of the genealogical scheme proposed by ancient authors. Their diversity is due to the vagueness of official data: Claudius was presented in them as avus of Constantine, i.e. either his grandfather or ancestor in the general sense of the word. The article also pays attention to the perception of family tree by members of the Constantine's family (his brothers, sons and nephew Julian). Sources at your disposal allow us to assert that the members of the dynasty agreed with the version of kinship voiced by Constantine, but, like him, did not comment on the very degree of that kinship. In addition, Julian even tried to present himself as a more worthy descendant of Claudius Gothicus than his uncle.

S.I. Luchitskaya

«DO YOU CALL HIM A PROPHET? DO YOU CONSIDER HIM A MESSENGER OF GOD?». PETER THE VENERABLE ON THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING A TRUE PROPHET FROM AN IMPOSTOR

Keywords: prophet of Islam, the 'Cluny' collection, Peter the Venerable.

The article examines a phenomenon typical of medieval spiritual and social life—the phenomenon of false prophets or self-proclaimed prophets. The focal point is the treatise of the Cluniac abbot Peter Venerable, where he clearly outlines the criteria for distinguishing a true prophet from a false one and endeavors to demonstrate that the founder of Islam, Muhammad, was a false prophet. The author of the article illustrates that the concepts of a prophet in Islam and Christianity are

significantly different and emphasizes that it is precisely a misunderstanding of these differences that led the church writer to his views on Islam.

L.B. Sukina

TSAR GOD CHOSEN AND NOT SELF-APPOINTED IN RUSSIA
1666
(THEME OF THE BLESSING OF THE KIND OF RIGHTEOUS
GOVERNERS IN THE “SPIRITUAL SWORD” OF LAZAR
BARANOVICH)

Keywords: Russian tsarist autocracy, House of Romanov, idea of a righteous sovereign, early printed book, theological and political concept.

The author explores the question of how the theme of God’s chosen king’s power was interpreted in the book “Spiritual Sword” of Lazar Baranovich in 1666. The idea of the choice of God of the supreme ruler and the protection of God of righteous sovereigns spread in the culture of the Christian world back in the Middle Ages. In Russia in the 1660s it was updated by a specific set of circumstances: church reform, expansion of the territory of the state through the annexation of new lands by military means, the absolutization of the power of Tsar Alexei Mikhailovich and the expectation of the End of the World. At the same time, the second sovereign of the House of Romanov was interested in additional arguments legitimizing his autocracy, as evidenced by the documents of the Secret Prikaz, concerning rumors about his “illegal” origin, and some details of the conflict between the Tsar and Patriarch Nikon. The article shows how Lazar Baranovich, with the help of scholastic theological and literary techniques, which includes, among other things, abundant quoting, creates a harmonious and convincing concept of the righteous family of the Russian sovereign, a dynasty that found itself at the pinnacle of power by the will of God. According to her, the sovereign Alexei Mikhailovich is not an impostor and an accidental minion of fate, but a God-chosen king, similar to the biblical David, Emperor Constantine the Great and other famous rulers of antiquity. By the right of the chosen of God one, the Russian Tsar wields both swords of power – secular and ecclesiastical.

E.D. Braun

AN IMPOSTOR OR A PRINCE AFTER ALL? PERKIN WARBECK IN BRITISH HISTORICAL MEMORY

Keywords: Perkin Warbeck, Impostors, Henry VII, Richard III, Princes in the Tower, British historiography.

In the XVI–XXI centuries, ideas about Perkin Warbeck made a full circle – from the perplexity of contemporaries, through the unconditional rejection of Tudor century, the first attempts to justify Warbeck of the XVII–XVIII centuries, sentimental novels and poems of the XIX century, scrupulous studies of the turn of the XX–XXI centuries, historians returned to the beginning. As well as contemporaries, they distrust the official, Tudor version of events and admit that the real prince, the rightful heir of the Yorks, was sent to the gallows.

The image of Warbeck turned out to be so contradictory because the choice between an "impostor" and a "prince" did not always depend on objective, scientific calculations. Often the decision was determined by an assessment of the Tudor rule and of the preceding period of the Wars of the Roses (especially the personality and reign of Richard III). There were also non-scientific factors. To find an extra-political explanation for Warbeck's success, even under the Tudors he was turned into an immensely charming handsome man, a victim of intrigues. Artists, poets and novelists were happy to exploit and develop this emotional component; as the historical distance lengthened, the image of Warbeck became more and more touching and sentimental.

O.I. Togoëva

IMAGINARY RICH AND FAKE BEGGARS: STREET SCAMMERS IN MEDIEVAL FRANCE

Keywords: The Middle Ages, France, the phenomenon of imposture, professional scammers, cross-dressing, royal legislation, judicial practice.

The article is devoted to the problem of imposture, which is considered in relation to the daily life of marginal strata of society in medieval France. The question is about professional scammers who

acted everywhere and posed as «decent people» for the purpose of personal gain. The main way of such transformations was the cross-dressing, and therefore the article analyzes a few, but vivid judicial cases that testify the use of someone else's (often stolen) clothes to build a new personality. The author notes that, despite the existence of specific criminal cases related to cross-dressing, i.e. stable judicial practice, there was no general royal legislation devoted to this problem in France till the end of the 15th century. Instead of it there were only private legal acts, the effect of which extended only to the population of Paris. This situation was explained, according to the author, by the limited possibilities of the royal justice, its precedent character, as well as the importance of the capital not only as the center of the country, but also as its largest city.

K.S. Khudin

SELF-PROCLAMATED PHYSICIANS & CHARLATANIC
PHYSICIANS: RECOGNITION OF THE PROFESSIONAL
COMMUNITY IN XVII CENTURY RUSSIA

Keywords: social history of medicine, Alltagsgeschichte, Early Modern history, Seventeenth century, Russia, Apothecary Chancery.

The article is devoted to the conflicts between the corporation of doctors of the Apothecary Chancery (Aptekarsky Prikaz) and representatives of other medical practices: private physicians, faith-healer, as well as the perception of such practices in the bureaucratic environment. The author considers bureaucratic mechanisms arising in the course of such conflicts, when the corporation defines a physician as an self-proclamated and, not considering him a part of its group, refuses to recognise his professional competences. At the same time, private practice itself is not a barrier to entry into the professional community, and being labelled an impostor, hence a charlatan, becomes a way of resolving intra- and inter-group conflicts. Such conflicts are different in each of the three examples with representatives of different social groups, but they equally illustrate the fact that a person who commits unconventional actions becomes an impostor in the eyes of the community.

O.V. Okuneva

SELF-APPOINTED FRENCHMEN AND “FRENCHMEN’S BROTHERS” IN 16TH CENTURY BRAZIL

Keywords: impostor, Brazil, 16th Century, allies, barter trade, captivity, Hans Staden, Giuseppe Adorno, Anthony Knivet.

The paper deals with the strategy that some Europeans chose in the 16th century Brazil while finding themselves in a hostile environment. Being captured by Indians and destined to death and following anthropophagy, a German soldier Hans Staden, a Genovese captain Giuseppe Adorno and an English adventurer Anthony Knivet decided to appoint themselves as Frenchmen (their captors regarded Frenchmen as friends and trade partners). The Indians’ reaction to the declarations of such “impostors” (including some “tests for identity”) reveals the way the Brazilian Indians considered one European nation as friend and ally rather than another.

A special attention is paid to the cross-verified elements in Staden’s, Adorno’s and Knivet’s stories. This cross-validation is mostly important for Staden’s testimony (most detailed of all): the German author describes his first unsuccessful attempts to save his life by assuming another identity as an act of faith and a miraculous escape, so it is essential to distinguish the facts from the metaphors.

The paper discusses the degree in which Staden, Adorno and Knivet can be considered as impostors. They did not seek to gain something beyond what they had, just to save their lives. So they are more “self-appointed” Frenchmen (in the sense of self-denomination) rather than persistent usurpers of someone else’s identity.

MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

A.D. Scheglov

DIARIUM VADSTENENSE AND VADSTENA ABBEY

Keywords: History of Sweden, Middle Ages, Catholic Church, monasteries, monastic orders, annals.

Diarium Vadstenense, the chronicle of Vadstena Abbey (the principal cloister of the Birgittine order) is one of the most interesting narrative sources of medieval Scandinavia. The present article focuses

on the types of entries, their aims and their data. I pay attention to individual cases, to data concerning the health and the diseases of the Birgittines, as well as their age and death. I demonstrate that life expectancy of the Birgittines was high enough. Special attention in my article is paid to the question of the character of Vadstena Abbey. Can we regard Vadstena Abbey as a mixed community of men and women, a so-called double cloister? Or should we treat it as two separate monasteries behind one fence? I demonstrate that Vadstena Abbey must be regarded as a single mixed congregation. The brethren and the sisters lived in proximity. Both communities were subject to Mother Superior. The economy was common. Both parts of the monastery interacted constantly. The usual definitions – brethren (*fratres*) and sisters (*sorores*) were of the same type. Both communities are frequently called the same name – a convent, and often the expression “both convents” is used. The level of integration of the two parts of Vadstena Abbey was high; the monastery mentioned must be regarded as a single institution.

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.G. Avdeev

ANDREY SEMYONOVICH BEDOV: THE SERVICE CLASS MAN OF KASHIN, THE MOSCOW NOBLEMAN, THE GOVERNOR, THE MONK, THE BUILDER OF THE WALLS OF THE KALYAZIN MONASTERY

Keywords: history of Russia in the 17th century, Kashinsky district, Kashinsky nobility Bedovy, Troitskiy Makariev Kalyazin monastery, testament, contributions to monasteries, monastery building.

The paper analyzes the life's journey of the Kashin service class man Andrei Semenyovich Bedov. During the Time of Troubles, he consistently served False Dmitry II, after the latter's death he swore allegiance to Prince Vladislav, then, together with Prince Dmitry Timofeevich Trubetskoy, he joipapned the militia of Procopius Lyapunov. At the beginning of the reign of Mikhail Fedorovich, Andrei Bedov was engaged in the restoration of the Kashin estates and, with the help of a fictitious deal with the Archbishop of Tver Arseny Elassonsky, transferred one of the estate villages to a patrimony. In the 30s of the 17th century Andrei Bedov, having received the rank of Moscow

nobleman, served as a governor in Tver, participated in the Smolensk War, and later held administrative positions in Moscow. Andrei Bedov was closely associated with the Makaryev Kalyazin Monastery of St. Trinity, making generous contributions to it, and in 1641 he took monastic vows there with the name Abraham. As a cellarer at the monastery, he supervised the building of the walls around the monastery in 1644-1647 and made a large contribution to their construction. Andrei (Abraham) Bedov died on February 9, 1650, having distributed property, estates and patrimonies among close relatives, people from his circle, as well as monasteries and churches of Kashinsky district.

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

I.M. Souponitskaya

EVOLUTION OF DISILLUSIONMENT:

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 WITH THE EYES OF TWO ÉMIGRÉS

Keywords: revolution, anarchism, the Bolsheviks, dictatorship, disillusionment.

The memoirs of two Russian émigrés, anarchist Emma Goldman and socialist Angelica Balabanoff, recently published in Russia, provide a perspective on the formation of Bolshevik power after the October coup that differs from the Soviet version of events, revealing little-known aspects of the 1917 revolution. Goldman, deported from the United States, highlighted the role of anarchists in revolutionary Russia, portraying them not as a chaotic force but as a socialist movement advocating an alternative to the dictatorship of the proletariat—namely, the development of self-government as called for by Mikhail Bakunin and Peter Kropotkin. Like other opponents of the Bolsheviks, the anarchists were ultimately suppressed.

Balabanoff, a member of the Italian Socialist Party and the RCP(b), and secretary of the Executive Committee of the Comintern, discussed the methods of party building, particularly the Bolsheviks' influence on the split within the international socialist movement.

Having arrived in Russia after the 1917 revolution to support the birth of a workers' and peasants' republic, both women were soon forced to leave, disillusioned by the policies of the Soviet state.

HISTORY OF THE EMOTIONS

K.A. Levinson

“I DO HAVE SOMEBODY TO HATE”: ANGER, RAGE AND HOW
(NOT) TO EXPRESS THEM IN THE MOSCOW STATE
UNIVERSITY MILIEU OF THE LATE 1930S AND EARLY 1940S.

Keywords: university history, history of emotions, history faculty, Moscow State University, history of Soviet academia.

The article draws on memoirs, questionnaires, letters and diaries of students of the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University in the second half of the 1930s and the first half of the 1940s to examine the practices of expressing anger, rage and similar emotions in this milieu. Representations of such feelings are rare in the ego-documents examined, but still allow us to draw a tentative conclusion about the existence of norms that provided in hierarchical relations for greater freedom to express these feelings ‘top down’ or ‘horizontally’ than ‘bottom-up’. When an expression of anger or rage was felt by the authors to be undesirable, they resorted to three ways of legitimizing it: providing a justification, placing oneself in a morally stronger and more empowered position, or redirecting one’s anger to a legitimate object.

HISTORY OF THE EDUCATION

K.V. Sutorius

THE DISCIPLINE OF LOGIC BY SOPHRONY LIKHUJ AND THE
NEW SOURCES ON ITS HISTORY

Keywords: Sophronios Lychudes, teaching of Logic, Moscow Slavo-Greek-Latin academy, handwritten sources, scholastic.

The paper is devoted to a manuscript, which contains a course of Logic, taught in Moscow Slavo-Greek-Latin academy by Sophronios Lychudes at the beginning of the 1690s. The manuscript is housed in the Yaroslavl museum and is still little known to scholars. The paper describes the composition (parts) of the manuscript. It is stated that Logic in Greek, which is presented here, is an unknown copy of Sophronios' course so far. The manuscript is written by more than one hand, and relations of these to other handwritten witnesses related to Moscow academy are considered. The text of Logic from the Yaroslavl manuscript is compared to the text found in records known before in order to determine its place among other witnesses of this course. Both notes in the Yaroslavl manuscript and documents, which have become known recently, allow to reconsider the common dating of Sophronios' Logic. Features of codex put the question about how the instruction of Logic by Sophronios was established, and how his students worked on their notes, on the basis of which we discuss the course. Witnesses of bilingual (Latin/Greek) teaching of Logic are considered in connection with this question. It is argued that the Latin text of Sophronios' Dialectic, known in one codex, was not a translation from Greek.

REVIEWS

S.I. Luchitskaya

THE STORY OF THE SWAN KNIGHT IN THE EPIC OF THE CRUSADE CYCLE: EPIC POEM, FAIRY TALE, OR COURTLY ROMANCE?

Keywords: epic poems, Old French Crusade cycle, the legend of the Knight of the Swan

Review on *Les Enfants-Cygnés suivi de La Chanson du Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558). Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.

A.D. Scheglov

THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF DANISH CHRONICLES

Keywords: review, history of Denmark, Danish annals and chronicles.

Review on **Datskie chroniki XII veka. Perevod s lat., dat., shved. i krit. apparat A.S. Dosaeva, I.B. Gubanova, O.A. Markelovoi, O.V. Kutareva i A.B. Rukavishnikova-Radonezhskogo** [Danish Chronicles of the 12th century. Translation from Latin, Danish and Swedish and the critical apparatus by A.S. Dosaev, I.B. Gubanov, O.A. Markelova, O.V. Kutarev and A.B. Rukavishnikov-Radonezhsky]. Moscow: Russkaya Panorama, 2022. 344 p.; **Datskie annaly XII–XIV vekov. Perevod s latinskogo, datskogo i kriticheskij apparat A.S. Dosaeva, I.B. Gubanova, O.A. Markelovoi i O.V. Kutareva** [Danish Annals from the 12th to the 14th century. Translation from Latin, Danish and Swedish and the critical apparatus by A.S. Dosaev, I.B. Gubanov, O.A. Markelova and O.V. Kutarev]. Saint Petersburg: DMITRY BULANIN, 2024. 368 p.

The review examines the Russian translations of Danish narrative monuments from the 12th to the 14th century – *Chronicon Roskildense*, *Chronicon Lethrense*, *Annales Lundenses* and other texts which serve as valuable sources on the history of medieval Denmark.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Герштейн Анна Борисовна – к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории репрезентации власти и символической коммуникации в Средние века, феномену монархического самозванчества в средневековой Европе.

Миролюбов Иван Андреевич – к.и.н., доцент кафедры истории РГАУ–МСХА имени К.А. Тимирязева, специалист в области идеологии императорской власти в Древнем Риме, истории Поздней Римской империи, истории дома Константина Великого.

Лучицкая Светлана Игоревна – д.и.н., в.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории крестовых походов, истории рыцарства, христианских представлений об иноверцах, средневековой иконографии.

Сукина Людмила Борисовна – д.и.н., канд. культурологии, доцент; зав. кафедрой подготовки кадров высшей квалификации, профессор Института программных систем РАН, специалист в области российской культуры раннего Нового времени.

Браун Елена Давыдовна – к.и.н., доцент РАНХиГС, специалист по политической истории Англии позднего Средневековья и раннего Нового времени, средневековой английской историографии.

Тогоева Ольга Игоревна – д.и.н., г.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист в области средневекового права и правосознания, средневековой символики, политической и религиозной истории Западной Европы.

Худин Кирилл Станиславович – к.и.н., м.н.с. Отдела специальных исторических дисциплин ИВИ РАН, ведущий сотрудник РГАДА. Специалист по российской истории XVII в.

Окунева Ольга Владимировна – к.и.н., доктор университета Париж-Сорбонна, с.н.с. Отдела новой и новейшей истории ИВИ РАН, специалист по истории европейской экспансии в Новый Свет XVI–XVII вв., раннеколониальной истории Бразилии, формированию образа Другого во Франции раннего Нового времени.

Щеглов Андрей Джолинародович – д.и.н., в.н.с. Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, специалист по истории Швеции в Средневековье.

Олариу Доминик – профессор, в разное время преподавал в университетах Дижона, Марбурга и Дюссельдорфа, специалист по истории искусства Средних веков и раннего Нового времени. Автор книг и статей по истории средневекового портрета и научного знания.

Бисаха Нэнси – профессор Вассарского колледжа (США), автор книг и статей о гуманизме и крестовых походах.

Авдеев Александр Григорьевич – д.и.н., профессор Историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, н.с. Университета Дмитрия Пожарского, специалист по отечественной эпиграфике Московской Руси и ранней Российской империи.

Супоницкая Ирина Марковна – д.и.н., в.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории США XX в., советско-американским отношениям.

Левинсон Кирилл Алексеевич – кандидат исторических наук, доктор философии. Сфера научных интересов – социальная история науки и образования в Новое и Новейшее время.

Суториус Константин Владимирович – к.и.н., доцент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, специалист по истории отечественного образования, педагогики Нового времени.

Ведюшкин Владимир Александрович – к.и.н., в.н.с. Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, специалист по истории Испании XV–XVII.

СОДЕРЖАНИЕ

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И САМОЗВАНЧЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

<i>А.Б. Герштейн</i> САМОЗВАНЧЕСТВО КАК МАРКЕР СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА	5
<i>И.А. Миролубов</i> ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ЧЛЕНАМИ ЕГО СЕМЬИ	17
<i>С.И. Лучицкая</i> «ПРОЗЫВАЕТЕ ЕГО ПРОРОКОМ, СЧИТАЕТЕ ЕГО ПОСЛАНЦЕМ БОГА?» ПЕТР ДОСТОПОЧТЕННЫЙ О КРИТЕРИЯХ ОТЛИЧИЯ ИСТИННОГО ПРОРОКА ОТ САМОЗВАНЦА	37
<i>Л.Б. Сукина</i> ЦАРЬ БОГОИЗБРАННЫЙ, А НЕ САМОЗВАННЫЙ В РОССИИ 1666 ГОДА (ТЕМА БЛАГОСЛОВЕНИЯ РОДА ПРАВЕДНЫХ ГОСУДАРЕЙ В «МЕЧЕ ДУХОВНОМ» ЛАЗАРЯ БАРАНОВИЧА)	53
<i>Е.Д. Браун</i> САМОЗВАНЕЦ ИЛИ ВСЁ-ТАКИ ПРИНЦ? ПЕРКИН УОРБЕК В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ АНГЛИЧАН	70
<i>О.И. Тогоева</i> МНИМЫЕ БОГАЧИ И ПОДДЕЛЬНЫЕ НИЩЕ: УЛИЧНЫЕ МОШЕННИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ	95
<i>К.А. Худин</i> ВРАЧИ-САМОЗВАНЦЫ И ВРАЧИ-ШАРЛАТАНЫ: ПРИЗНАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ XVII ВЕКА	111

- О.В. Окунева*
САМОНАЗВАННЫЕ ФРАНЦУЗЫ И «БРАТЯ ФРАНЦУЗОВ»
В БРАЗИЛИИ XVI ВЕКА 129

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ

- А.Д. Щеглов*
ВАДСТЕНСКИЙ ДИАРИЙ И ВАДСТЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ 159

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОРТРЕТА

- Д. Олариу*
ТЕЛО И ПОРТРЕТ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
ВЫСТАВЛЕНИЕ ТЕЛ УСОПШИХ, ПОСМЕРТНЫЕ
МАСКИ И МИМЕТИЧЕСКОЕ НАДГРОБНОЕ
ИЗОБРАЖЕНИЕ (*пер. С.И. Лучицкой*) 195

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

- Н. Бисаха*
ПАПА ПИЙ II И КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
(*пер. С.И. Лучицкой*) 228

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

- А.Г. Авдеев*
АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ БЕДОВ: КАШИНСКИЙ
СЛУЖИЛЫЙ ЧЕЛОВЕК, МОСКОВСКИЙ ДВОРЯНИН,
ВОЕВОДА, МОНАХ, СТРОИТЕЛЬ СТЕН
КАЛЯЗИНА МОНАСТЫРЯ 252

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

- И.М. Супоницкая*
ЭВОЛЮЦИЯ РАЗОЧАРОВАНИЯ: РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917 Г. ГЛАЗАМИ ДВУХ ЭМИГРАНТОК 285

ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ*К.А. Левинсон*

«А НЕНАВИДЕТЬ У МЕНЯ ЕСТЬ КОГО»:
ЗЛОСТЬ, ГНЕВ И ИХ (НЕ)ВЫРАЖЕНИЕ В МОСКОВСКОЙ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ 30–40-Х ГОДОВ XX ВЕКА 334

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ*К.В. Суториус*

КУРС ЛОГИКИ СОФРОНИЯ ЛИХУДА И НОВЫЕ
ДОКУМЕНТЫ ПО ЕГО ИСТОРИИ 354

РЕЦЕНЗИИ*С.И. Лучицкая*

ЛЕГЕНДА О РЫЦАРЕ ЛЕБЕДЯ
(рец.: *Les Enfants-Cygnés suivi de La Chanson du
Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558).
Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation
par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.) 386

А.Д. Щеглов

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ДАТСКИХ ХРОНИК
(рец.: Датские хроники XII века / Перевод с лат., дат.,
швед. и крит. аппарат А.С. Досаева, И.Б. Губанова,
О.А. Маркеловой, О.В. Кутарева и
А.Б. Рукавишников-Радонежского.
М.: «Русская панорама», 2022. 344 с.;
Датские анналы XII–XIV веков / перевод с латинского,
датского и критический аппарат А.С. Досаева,
И.Б. Губанова, О.А. Маркеловой и О.В. Кутарева.
СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2024. 368 с.) 396

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Д.Э. Харитоновичу — 80 лет 401

IN MEMORIAM

А.Ф. Кофман (17.08.1954 – 16.05.2024)	404
ABSTRACTS	413
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	424
СОДЕРЖАНИЕ	426
CONTENTS	430

CONTENTS

FRAUDSTERS, IMPOSTORS AND IMPOSTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

<i>A.B. Gerstein</i> IMPOSTURE AS A MARKER OF THE SOCIETY'S CONDITION	5
<i>I.A. Mirolyubov</i> GENEALOGICAL CONSTRUCTIONS OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT AND THEIR PERCEPTION WITHIN HIS FAMILY	17
<i>S.I. Luchitskaya</i> «DO YOU CALL HIM A PROPHET? DO YOU CONSIDER HIM A MESSENGER OF GOD?» PETER THE VENERABLE ON THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING A TRUE PROPHET FROM AN IMPOSTOR	37
<i>L.B. Sukina</i> TSAR GOD CHOSEN AND NOT SELF-APPOINTED IN RUSSIA 1666 (THEME OF THE BLESSING OF THE KIND OF RIGHTEOUS GOVERNERS IN THE “SPIRITUAL SWORD” OF LAZAR BARANOVICH)	53
<i>H.D. Braun</i> AN IMPOSTOR OR A PRINCE AFTER ALL? PERKIN WARBECK IN BRITISH HISTORICAL MEMORY	70
<i>O.I. Togoeva</i> IMAGINARY RICH AND FAKE BEGGARS: STREET SCAMMERS IN MEDIEVAL FRANCE	95
<i>K.S. Khudin</i> SELF-PROCLAMATED PHYSICIANS & CHARLATANIC PHYSICIANS: RECOGNITION OF THE PROFESSIONAL COMMUNITY IN XVII CENTURY RUSSIA	111

O.V. Okuneva

- SELF-APPOINTED FRENCHMEN AND “FRENCHMEN’S
BROTHERS” IN 16TH CENTURY BRAZIL 129

MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

A.D. Scheglov

- DIARIUM VADSTENENSE AND VADSTENA ABBEY 159

ON HISTORY OF MEDIEVAL PORTRAIT

D. Olariu

- BODY AND PORTRAIT IN THE LATE MIDDLE AGES.
DEMONSTRATION OF THE BODIES OF DEAD, DEATH
MASKS AND MIMETIC FUNERAL IMAGE 195

THE OTHER HISTORY OF THE CRUSADES

N. Bisaha

- POPE PIUS II AND THE CRUSADE 228

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.G. Avdeev

- ANDREY SEMYONOVICH BEDOV: THE SERVICE CLASS
MAN OF KASHIN, THE MOSCOW NOBLEMAN,
THE GOVERNOR, THE MONK, THE BUILDER OF THE
WALLS OF THE KALYAZIN MONASTERY 252

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

I.M. Souponitskaya

- EVOLUTION OF DISILLUSIONMENT: THE RUSSIAN
REVOLUTION OF 1917 WITH THE EYES OF
TWO ÉMIGRÉS 285

HISTORY OF THE EMOTIONS*K.A. Levinson*

- I DO HAVE SOMEBODY TO HATE”: ANGER, RAGE AND
HOW (NOT) TO EXPRESS THEM IN THE MOSCOW
STATE UNIVERSITY MILIEU OF THE LATE 1930S AND
EARLY 1940S. 334

HISTORY OF THE EDUCATION*K.V. Sutorius*

- THE DISCIPLINE OF LOGIC BY SOPHRONY LIKHUD AND
THE NEW SOURCES ON ITS HISTORY 354

REVIEWS*S.I. Luchitskaya*

- THE STORY OF THE SWAN KNIGHT 386

A.D. Scheglov

- THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF DANISH CHRONICLES 396

ANNIVERSARIES

- THE 80th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH
KHARITONOVICH 401

IN MEMORIAM

- A.F. KOFMAN (17.08.1954 – 16.05.2024) 404

- ABSTRACTS 413

- LIST OF OUR AUTHORS 426

- CONTENTS 430

Одиссей. Человек в истории

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И
САМОЗВАНЧЕСТВО
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
2024 №№1-2 (32-33)

Главный редактор
А.О. Чубарьян

Ответственный редактор
А.Б. Герштейн

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Научное издание

Подписано к печати 21.10.2024 г.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс Нью Роман
Объём – 27 усл.-печ. л. Тираж — 500 экз. (Первый завод —
100 экз.)
Зак. №

Ленинский проспект, 32а